

ընդունելու լինենք նման բացատրությունը, ապա կտեսնենք, որ այն չի համաձայնում հաշորդ «ն արիանաս» բառերի հետ: Բողոք կամ զանգատ չենք ի՞նչ զրգարիթ կարող է լինել արիանայու համար: Շատ հավանական է, որ «տրկիս» բառի մեջ բաց է թողնված «ս» տառը և «տրկիս» պետք է կարգալ «տարկիս», որ այստեղ ծառայի իմաստ ունի: Գուցե և «տրկիս» պետք է կարգալ «տրպիս», այսինքն «տրուպիս», իտեար՛, չնչին ծառայիս: Այդ դեպքում նախադասության վերջին մասը հետևյալ իմաստն է ստանում՝ «ունկն դենս չնչին ծառայիս (կամ տրկիս) և արիանաս», ինչ և ավելի մոտ պետք է համարել տեքստի բովանդակությանը: Ճիշտ չեն վերծանված նաև № 98 փաստաթղթերից «Պապա Ալլմե ծանցնլ, զոր ինչ ուսեալ է խանիցն, որ կամի գալիս այս կողմերն» նախադասության մեջ ընդգծված բառերը, որոնք թարգմանվում են հետևյալ կերպ՝ «Баба Сулейман знакомит»: Սակայն «ամ և ի՛նչ է ծանոթացնում Սուլեյման Բարան: նման վերծանումը մեզ ոչինչ չի ասում: Վերոհիշյալ նախադասության միտքն այն է, որ պետք է ծանուցել այդ մասին, այսինքն հայտնել, տեղյակ պահել Սուլեյման Բարային, որը խանից զրգված (այստեղ խոսքը հավանաբար գնում է լեզգի ֆեոդալների մասին, որոնք հայտնի էին իրենց սումանյան կողմնորոշմամբ և Արցախի ու Սյունիքի երկրամասերը զրավելու և ավարատության ենթարկելու իրենց մշտական ձգտումներով—Վ. Գ.) կամենում է «այն կողմերը», այսինքն Սյունիքը զրավել, զավթել:

Անհրաժեշտ է նշել նաև, որ զրախոսվող ժողովածուի առաջին մասում տեղ են գտել որոշ

փաստաթղթեր, որոնք առանձին հետաքրքրություն չեն ներկայացնում և զուրս են գալիս նյութի շրջանակներից, այսպես, № 9 վավերագիրը աստրախանարևակ (և ոչ թե անդրծովյան—заморские, ինչպես ոչ ճիշտ ասված է վավերագրի խորագրում—Վ. Գ.) հնդկ վաճառականների բողոքագիրն է և կապ չունի հայերի հետ և այլն:

Այս դիտողություններն, տեղուշտ, չեն կարող նսեմացնել ժողովածուի արժանիքները: Արևիկ կարծիք չի կարող լինել այն մասին, որ ժողովածուն մեծապես կնպաստի XVIII դարի սկզբի հայ-ուսաական հարաբերությունների պատմության լուսարանմանը: Վավերագրերի այս արժեքավոր ժողովածուն գիտական լայն շրջանառության մեջ է դնում հայ-ուսաական բազմազան հարաբերությունները և XVIII դարի 20-ական թթ. հայ ազատագրական շարժումները բնութագրող բազմաթիվ կարևոր փաստաթղթեր: Այն հարաժերություն է տալիս ըմբռնելու, դյուրություն է բնձնում հետազոտելու հայ ազատագրական շարժման նոր գիրքորոշման, զեպի Ռուսաստան նրա շրջադարձի բուն արմատները, բացահայտում է հայ-ուսաական առնչությունների բազմաբովանդակ էությունը: Անկասկած է, որ սկազ. Աշոտ Հովհաննիսյանի գործուն մասնակցությամբ և ղեկավարությամբ պատմական գիտությունների գոհաբոր հանգուցյալ Պ. Տ. Հարությունյանը, Պատմության ինստիտուտի ավագ գիտաշխատողներ Ս. Ա. Տեր-Ավանիստյան և Վ. Ա. Հակոբյանը շնորհակալ գործ են կատարել՝ հրատարակ հանելով վերահիշյալ ժողովածուն:

Վ. ԳԻՆՅԱՆ

MIROŚAWA ZAKRZEWSKA-DUBASOWA, *Ormianie Zamojscy i Ich rola w wymianie handiowej i kulturalnej między Polska a Wschodem*. Lublin, 1965, 324 p.

МИРОСЛАВА ЗАКШЕВСКА-ДУБАСОВА, *Армяне Замостья и их роль в торговом и культурном обмене между Польшей и Востоком*, Люблин, 1965, 324 стр. (на польском языке).

Литература по истории армянских колоний в Польше и Западной Украине недавно пополнилась еще одной замечательной книгой — монографией польского историка Мирославы Закшевски-Дубасовой «Армяне Замостья и их роль в торговом и культурном обмене между Польшей и Востоком», являющейся диссертационной работой автора. Выход в свет этой работы означает, что успешно разрешена еще одна проблема,

касающаяся роли армянских переселенцев в развитии торговых и культурных отношений Польши с восточными странами. Для арменоведения же значение этой книги состоит прежде всего в том, что в ней глубоко и всесторонне раскрыты вопросы социально-экономической и правовой жизни армянского населения одной из значительных колоний Речи Посполитой — города Замостья.

Основанный во второй половине XVI в. одним из видных государственных деятелей и крупных магнатов средневековой Речи Посполитой — канцлером Яном Замоиским, этот город играл далеко немаловажную роль в политической и экономической жизни польского государства.

Процветание города Замостья в огромной степени зависело от восточной торговли. Это хорошо понимал Ян Замоиский, и совершенно не удивительно, что вскоре после основания города он заселил его армянами. Соображения Замоиского оказались правильными: армянские поселенцы вложили немало усилий в расширение торговли и ремесла, в строительство домов, внесли значительный вклад в распространение элементов восточной культуры в Польше. С середины XVIII в. существование этой колонии постепенно прекратилось, и ее история была почти предана забвению. Совершенно естественно поэтому, что мы имеем о ней крайне смутное представление, полученное из сочинений Симеона Леаци, Минаса Бжишкянца и Садока Баронча. Сейчас, благодаря усилиям Закшевски-Дубасовой, история этой колонии всесторонне и детально разработана и стала достоянием научной общественности.

Для написания своей работы автор использовал доселе никому не известные архивные материалы, хранящиеся (за исключением некоторых материалов, находящихся во львовских архивах) в Государственном воеводском архиве в Люблине, архиве города Кракова и воеводства краковского, Государственном архиве в Радоме, Национальной библиотеке в Варшаве, Библиотеке национального заведения имени Оссолинских во Вроцлаве и т. д. Кроме этих ценнейших источников, автор использовал большое количество литературы, относящейся к истории армянских колоний в Западной Украине и Польше, в т. ч. и опубликованные на русском языке труды советских армянских историков (А. Манандяна, Л. Меликсет-Бека, Л. Хачикяна, В. Восканиана).

Даже заголовки разделов (глав) этой работы показывают, насколько широк был круг вопросов, интересовавших автора. Армянские колонии в Восточной Европе, переселение армян в земли Речи Посполитой, развитие торговли и ремесла в городе За-

мостье, роль армян в торговом обмене с Востоком и в ориентализации польской материальной культуры, армянское самоуправление в Замостье, армянский патрициат города — вот далеко неполный перечень вопросов, которые рассматриваются Закшевски-Дубасовой.

Работа состоит из десяти разделов и приложения некоторых наиболее важных документов и архивных материалов.

В начале своего исследования Закшевска-Дубасова останавливается на возникновении армянских колоний в Восточной Европе и Речи Посполитой. Она пытается объяснить действительные причины переселения армян — вопрос, который давно интересовал польских буржуазных историков, но не получил правильного научного ответа с их стороны. В отличие от безуспешных попыток последних, Закшевска-Дубасова обращается к средневековой истории армянского народа, вкратце описывает те исключительно тяжелые социально-политические и экономические условия, в которых находилась средневековая Армения в результате нашествия и установления кровавого господства иноземных завоевателей, и приходит к правильному выводу, что переселение явилось естественным результатом исторически сложившихся крайне неблагоприятных условий жизни армянского народа. В связи с этим заслуживает особого внимания выдвинутая автором совершенно новая версия относительно причин поселения армян на западно-украинских территориях Речи Посполитой. Отвергая распространенную в буржуазной литературе версию о якобы исключительно торговых соображениях переселения армян, она обращает внимание на топографию переселения. «В связи с топографией армянской колонизации на юго-западных землях, — пишет она, — возникает проблема причин, которые обусловили подобное размещение армянских переселенцев. Нам представляется, что наряду с интересом к городским центрам, находящимся у торговых дорог, быть может, существовали и другие причины, связанные с надеждами разгромить самого крупного врага армян — Турцию. Можно полагать, что армяне охотно селились в тех странах, которые могли противостоять турецкому могуществу» (стр. 14—15). Обосновывая эту мысль, автор указывает на тот факт, что самое крупное пере-

селенческое движение армян в Польшу имело место в период, когда Турция не могла не считаться с могуществом польского государства. Армяне, продолжает Закшевски-Дубасова, так хорошо знающие Турцию, понимали, что сокрушение турецкого могущества возможно только путем организации совместных действий нескольких государств. По ее мнению, они связывали эти надежды не только с Западной Европой, но прежде всего с Польшей и Россией. Именно этими соображениями объясняет автор миссию католика Стефаноса Салмастеци в Венеции, Москве и Польше и обращение львовских армян в 1572 г. к католику относительно созыва совещания духовных деятелей для решения вопроса о путях освобождения.

Автор отмечает, что усилия армян по организации антитурецкой лиги во второй половине XVI в. имели под собой реальную почву. Эти усилия совпадали с соответствующими планами Римского папства и представлялись довольно близкими к осуществлению в последние годы царствования Стефана Батория. Но смерть короля помешала реализации этих планов. После смерти Батория канцлер Замойский в 1590 г. внес на обсуждение сейма план войны с Турцией, в которой совместно с Польшей должны были выступить Россия и Персия. Действия Замойского находили живой отклик у армян, которые, по утверждению автора, с удовольствием селились в Замостье.

Надежды армян на освобождение от турецкого ига еще более усилились после разгрома турецкой армии под Веной. Казалось, что антитурецкая лига будет добиваться дальнейших успехов. Однако среди союзников антитурецкой коалиции Польша в это время была самым слабым партнером и не могла приложить дальнейших военных усилий. Через год после Венского похода со стороны Польши была сделана попытка привлечь Персию в антитурецкую борьбу в качестве союзника. С этой миссией по уполномочию Польши и Венеции в Персию был направлен крупный польский дипломат, армянин граф Константин де Сири. Но эта миссия не увенчалась успехом. Причины неудачи неизвестны.

Итак, относительно поселения армян в западноукраинских землях Речи Посполитой имеется новая версия. Можно надеяться,

что дальнейшие исследования исторических материалов выявят новые факты, подтверждающие правильность версии Закшевски-Дубасовой. Во всяком случае тот факт, что со второй половины XVI и до начала XVIII вв. Польша становится одним из значительных центров развития армянской освободительной мысли, говорит о том, что эта версия на самом деле не лишена реальных исторических оснований.

Большой интерес вызывает также раздел работы Закшевски-Дубасовой, посвященный вопросу об участии армян Замостья в торговых сношениях Польши с Востоком, в частности их роли в ориентализации польской материальной культуры. Эти вопросы (особенно первый из них) нам известен по примеру армянских колоний Львова и Каменца-Подольского. Тем не менее приведенные автором материалы настолько богаты и разнообразны по своему содержанию, а вопрос в целом разработан автором с таким глубоким научным анализом, что этот вопрос предстает перед нами в совершенно новом значении.

Буржуазные историки, рассматривая проблему торговли польских армян, обычно ограничивались перечислением предметов армянской торговли, указанием некоторых торговых дорог и стран, с которыми они торговали, и делали общие выводы о том, что армяне играли какую-то роль в восточной торговле Речи Посполитой. Подход Закшевски-Дубасовой совершенно другой. Во-первых, она характеризует в предыдущих разделах общее состояние экономики Замостья в рассматриваемый период, показывает удельный вес в ней торговли и ремесла, организацию торгового дела (торговые привилегии, правила, средства торгового транспорта, основные дороги и т. д.). Во-вторых, дает общую характеристику восточной торговли Речи Посполитой в XVI—XVII вв. И только после этого она переходит к рассмотрению вопроса об участии армян в этой торговле. При этом, для сравнения и составления более объективного представления у читателя, она приводит также факты, говорящие об участии в торговле Замостья англичан, шотландцев, поляков, греков, евреев и др. Такой подход дает автору возможность правильно определить значение армянской торговли не только для города, но и в масштабах всего

польского государства. В этом деле автору помогают почерпнутые в Государственном воеводском архиве в Люблине (из фондов Acta Armenica Zamoscensia, а также Acta Advocatialis Zamoscensia) материалы о торговых операциях и торговых оборотах армян г. Замостья. Насколько значительными были они в рассматриваемый период, показывают следующие факты, приведенные в книге. В 1629 г. из Персии приехал со своими товарами в Замостье Персах Тер-Якубович, который вскоре там умер. Закупивший его товары Николай Хаджиевич заплатил брату умершего купца 2150 польских золотых. В 1643 г. Исан Киркорович застраховал свои товары в сумме 6570 золотых. Вартерес Киркорович и его сообщник Габриел Скандерович, отправляясь в Турцию, взяли с собой товары на сумму 14 тыс. золотых (стр. 108—109).

По мнению автора, с Турцией больше были связаны еврейские и греческие купцы. Армяне же имели более тесные торговые связи с Персией, ибо они пользовались здесь более широкой свободой, чем в Турции. В Польшу из восточных стран они привозили главным образом текстильные изделия, ковры, восточные украшения, драгоценные камни, оружие. Все эти предметы находили исключительно большой спрос у польской шляхты и магнатов, которые с конца XVI в. начали проявлять интерес к изделиям восточного художественного ремесла, особенно к украшенной золотом и драгоценными камнями восточной одежде, к оружию (сабли, кинжалы) и другим предметам. Ношение восточной одежды и оружия в то время стало как бы модой среди широких кругов шляхты и магнатства. Известно, например, что король Ян Собеский нередко носил восточную одежду и оружие, изготовленные в его собственных мастерских армянскими мастерами¹.

В этом отношении весьма любопытен следующий факт. Когда в 1700 г. крупный магнат Рафаль Лещинский прибыл в Турцию, турки со злобой его спросили: не добыта ли одежда его свиты под Веней?

Восточные ковры, ткацкие и вязанные изделия и украшения широко использовались

также в быту шляхтичей и горожан. Поэтому наряду с импортом, в конце XVI и в XVII в. началось производство этих изделий на месте. Так произошло распространение восточного влияния или, как выражается автор, ориентализация польской материальной культуры. По мнению Закшевски-Дубасовой, «носителями этих восточных влияний были прежде всего польские армяне, которые вели торговлю почти исключительно восточными предметами и явились первыми создателями художественного ремесла, основанного на восточных образцах» (стр. 138).

В своей работе автор большое место отводит также проблеме административно-правового положения и социального состава переселенцев. Здесь она подробно останавливается на истории поселения армян в Замостье. Как указывалось выше, оно произошло в последней четверти XVI в. В 1585 г. владелец города Ян Замойский предоставляет армянам привилегий, в силу которых они получают право неограниченного поселения. В привилегии Замойский особо подчеркивает, что армяне наравне с остальными жителями города (с католиками и не католиками) должны пользоваться всякими правами и привилегиями, сохранение которых он гарантирует от своего имени и от имени своих потомков. Вместе с тем Замойский признает их право национального вероисповедания. Как отмечает Закшевска-Дубасова, этот привилегий стал магнитом, притягивающим армян в Замостье из самых отдаленных мест и главным образом из коренной Армении, Персии, Турции. Согласно одному старому документу, армяне приезжали в Замостье из Токата, Сиса, Кесарии, Тылкурана, Еревана и многих других городов Малой и Великой Армении, а также из Крыма. Со временем сюда прибывают и армяне из некоторых городов Речи Посполитой, в том числе из Львова, особенно Каменца-Подольского. Указанные привилегии и свободы, а также равные с католиками торгово-ремесленные права создавали благоприятные условия для быстрого роста и увеличения армянской общины и всего города.

С начала XVII в. Замостье уже занимает прочное место в торговом обмене с Востоком. Вместе с тем оно играет также видную

¹ Wł. Łozinski, Złotnictwo lwowskie w dawnych wiekach. 1364—1640, Lwów, 1889, стр. 142.

роль в жизни армянских колоний Речи Посполитой.

9 января 1589 г. армяне Замостья получают от владельца города новый привилей, дающий им право создать органы национального самоуправления — магистрат, суд и т. д. Эти органы имели свою отдельную печать и кассы, где хранились полученные от владельца города и короля привилеи, грамоты, указы, акты армянского суда и все другие документы. Во главе этих органов стояли армянский войт и лавники (присяжные судьи). Учреждения армянского самоуправления образовывались путем ежегодных выборов, проводимых обычно накануне праздника св. Матвея. Выборы происходили в присутствии представителей армянской общины (разумеется, наиболее богатой части населения) и так называемых субделегатов — высокопоставленных служащих феодальной власти города. Результаты выборов утверждались последними, а иногда и самим владельцем города. Армянский магистрат и суд пользовались равными с польскими учреждениями правами и подчинялись непосредственно власти синьора города. Осуществление судопроизводства происходило в соответствии с Армянским статутом — сводом судебных законов польских армян, утвержденным в 1519 г. на петрковском вальном сейме и королем Сигизмундом I. В армянском судоустройстве Замостья высшими судебными инстанциями являлись так называемые трибунальские суды, подчинявшиеся владельцу города. В них разбирались все апелляционные дела армян. Делопроизводство же в армянских судах, как и впрочем в остальных судах страны, происходило на польском языке. По утверждению Закшевски-Дубасовой, в практике армянского судопроизводства города Замостья наблюдалось явное смешение законов и правил армянского и магдсбургского прав. «При общей характеристике армянского судопроизводства, — пишет автор, — нам представляется, что характерной его чертой является частичное приспособление к процедуре и терминологии магдсбургского права и — в целом — основание судопроизводства на принципах армянского права» (стр. 216). К этому правильному выводу Закшевски-Дубасовой мы должны добавить, что указанная черта с более или менее значительными оговорками была характер-

ной также для армянского судопроизводства во Львове, Каменце-Подольском, Станиславе и других колониях Речи Посполитой. Весьма убедительны и другие выводы автора относительно административно-правового положения армянских переселенцев. В частности, совершенно неоспоримо то, что последние пользовались несравненно более широкими правами, чем их соотечественники во Львове и Каменце-Подольском.

Это исходило из того реально существовавшего общего положения, что в частно-феодальных городах, как правило, армяне имели больше прав и привилегий и пользовались более широким покровительством владельцев городов, нежели в королевских городах. Однако, по нашему мнению, частно-феодальные города не играли столь большую роль в торговле и ремесленном производстве страны, как королевские. Во всяком случае это было именно так в тех западно-украинских городах, где существовали армянские общины.

Что касается социального состава переселенцев, то архивные материалы, относящиеся как к остальным армянским поселениям Речи Посполитой, так и, по свидетельству Закшевски-Дубасовой, к Замостью, по своему количеству и значению, к сожалению, не очень балуют исследователей. В них мы больше встречаем сведения, упоминания и различные данные о наиболее состоятельной части армянского населения и, особенно, о городском патрициате, чем о его немущих слоях, т. е. поспольстве. Поэтому в рецензируемой работе социальным условиям патрициата отведено более значительное место (целый раздел, названный автором «Армянский патрициат»), чем поспольству. Несмотря на это обстоятельство, можно считать, что автор вполне удовлетворительно справился с этой задачей и показал основные общественные слои армянской общины г. Замостья, а также ту социальную разницу, которая существовала между ними.

Командные посты в органах самоуправления целиком находились в руках патрициата. Поспольство же было представлено в этих органах тем же патрициатом.

Армянские войты и лавники — это были прежде всего богатые купцы, а иногда и состоятельные ремесленники. Поэтому неудивительно, что эти органы служили в

первую очередь интересам богатой части армянского населения города. «Армянские суды, состоявшие из богачей, пренебрегали жалобами, внесенными бедными людьми», — отмечает автор (стр. 253).

Располагая огромным богатством и пользуясь привилегированным положением в общине и городе, армянские купцы вели порочный образ жизни. Пьянство, драки, взаимные оскорбления, частые скандалы были обычными явлениями в их повседневной жизни. Несмотря даже на эти пороки, как утверждает автор, когда требовалось, они вставали «на службу Речи Посполитой и Его Королевского Величества», часто отдавая за них свою жизнь (стр. 254).

Отмечая ту огромную работу, которую выполнила Закшевска-Дубасова при освещении этой интересной темы, вместе с тем хочется сказать несколько слов об отдельных недостатках, пусть непринципиальных и незначительных, но все же нашедших место в этой ценной книге.

Из последнего раздела книги, где автор рассматривает вопрос о падении армянской колонии в Замостье, не совсем становятся ясными главные и действительные причины исчезновения армянской общины. Складывается впечатление будто исчезновение произошло лишь в результате смешения армянских и польских купеческих фамилий. Этому процессу, по утверждению автора, способствовали единые и равные права армян и католиков, которые исключали конкурентную борьбу и неприязнь между ними, способствовали их сближению и породнению. С этим мы частично согласны. Однако армянская община города состояла не из одних только купцов и, допустим, ремесленников, а кроме них было и посольство, численность которого, несомненно, в несколько раз превышала численность богатых купцов и ремесленников.

Закшевска-Дубасова справедливо утверждает, что в привилегированном положении находились и широкими правами пользовались только богатые слои армянского населения. При таком условии было совершенно естественным их стремление породниться со знатыми польскими купеческими фамилиями. Это исходило из их личных интересов. Но как могли способствовать ассимиляции армянского посольства привилегированное положение и широкие пра-

ва, когда, как мы видели, посольство не располагало ими. Следовательно, в этом вопросе решающую роль играл не только тот фактор, который указывает Закшевска-Дубасова, но и другие. Такими факторами, по нашему глубокому убеждению, могли быть экономический упадок городов Речи Посполитой, начавшийся во второй половине XVII в., и насильственная церковная уния. Ведь совсем не случайно, что указанные нами эти два фактора по времени совпадают с исчезновением армянской общины в Замостье. Что касается фактора ассимиляции в больших масштабах, то ему способствовала скорее церковная уния, чем одно только стремление богатых армянских купцов породниться с польской купеческой верхушкой. Точно так было и во Львове, и в Каменце-Подольском, и в других городах Речи Посполитой.

Автор в двух местах (стр. стр. 136, 249—250) использует взятый у Вл. Лозинского² один и тот же факт, чтобы показать, что армянские купцы Замостья были намного состоятельнее купцов во Львове. Этот факт относится к Абраму Киркоровичу, состояние которого после его смерти было оценено в 900 тыс. злотых. Мы не хотим повторно доказывать, что это было не так, что именно во Львове была сосредоточена наиболее состоятельная часть армянских купцов всех армянских поселений Речи Посполитой, факт, который общепризнан в научной литературе. Поэтому мы ограничиваемся лишь одним фактом, о котором, как мы уверены, знает и Закшевска-Дубасова. Речь идет о львовском армянском купце Захарнаше Бернатовиче, который по просьбе короля Владислава IV отдал в распоряжение королевского двора 100 тыс. дукатов. Эта сумма составляла не все или даже небольшую часть состояния купца. Но кроме денег у него, несомненно, было значительное количество драгоценностей и недвижимого имущества.

Есть и другие, менее существенные замечания. Например, ликвидацию армянского войтовства во Львове автор относит к 1496 году (стр. 148), между тем Освальд

² См. Wł. Łozinski, *Patrycyat i mieszczaństwo lwowskie w XVI i XVII wieku*, Lwów, 1902, стр. 163—170.

Бальцер указывает точную дату—1469 год³. Эту ошибку мы могли принять за опечатку, если бы она снова не повторялась на странице 182.

Мы хотим еще раз подчеркнуть, что наши замечания не умаляют достоинств рецен-

³ O. Balcer, Sądownictwo ormlanskie w średniowiecznym Lwowie, Lwów, 1909. стр. 100.

зируемой книги. Ценность ее заключается в том, что автор блестящим образом, на высоком научном уровне разрешает не только сложные, во многом запутанные проблемы, сугубо связанные с историей армянской колонии в г. Замостье, но и целый ряд важнейших принципиальных вопросов, представляющих общий интерес для истории всех армянских колоний Речи Посполитой.

М. ОГАНЕСЯН